

Вечеслав Иванов (1866-1949)

Иванов, Вячеслав Иванович (1866-1949), русский поэт, философ, филолог, переводчик. Родился 16 (28) февраля 1866 в Москве. Отец, мелкий чиновник-землемер, умер, когда Иванову было пять лет. В Автобиографическом письме С.А.Венгерову (1917) Иванов охарактеризовал своего отца следующим образом: «Отец мой был из нелюдимых, / Из одиноких — и невер». Мальчика воспитала мать, которая с детства видела в нем поэта

В годы учебы в 1-й московской гимназии (1875-1884, окончил с золотой медалью) Иванов был охвачен «славянским энтузиазмом», связанным с русско-турецкой войной, писал патриотические стихи. Пережил юношеское увлечение атеизмом и народничеством, не переставая при этом писать стихи и поэмы о Христе. Гимназические годы стали для Иванова «началом долгого и сурового труженичества»: он увлекся древними языками, античной, европейской и русской историей.

Занятия любимыми предметами Вяч.Иванов продолжил на историко-филологическом факультете Московского университета, куда поступил в 1884. Его студенческая работа по древним языкам была отмечена университетской премией, он был одним из любимых учеников профессора-историка П. Виноградова. В 1886 Иванов оставил университет и вместе с женой Д.Дмитриевской отправился в Германию, где занимался римским правом, экономикой и историей в Берлинском университете, под руководством всемирно известного профессора Т.Моммзена, которому посвятил восторженные строки в своем поэтическом дневнике. Тогда же в нем пробудилась «потребность сознать Россию в ее идее», приведшая к вдумчивому изучению русской религиозной философии и одновременно - ницшеанства. По окончании университетского курса Иванов начал писать диссертацию по римской истории, совмещая работу над ней с путешествиями по Европе и работой в библиотеках Франции, Англии и Италии.

В 1893 Иванов познакомился с писательницей Л. Зиновьевой-Аннибал, о которой писал: «Друг через друга нашли мы — каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога». В 1899, после нескольких лет жизни в гражданском браке, Иванов и Зиновьева-Аннибал повенчались — в нарушение гражданских и церковных законов, запрещавших обоим повторный брак как разведенным супругам. Иванов поселился с женой в Афинах, откуда предпринимал паломничества в Египет и Палестину, затем снял дом в Женеве. Изучал санскрит, занимался историей греческо-дионисийских культов и исследованием «корней римской веры во вселенскую миссию Рима». В 1903 прочитал в парижской Высшей русской школе общественных наук курс лекций по истории дионисийских культов, содержание которого изложил в работах Эллинская религия страдающего бога (1904) и Религия Диониса (1905).

В эти же годы почувствовал, что в нем «раскрылся и осознал себя» поэт. С 1898 начал публиковать переводы (в частности, из Пиндара) и стихи в русских журналах «Cosmopolis» и «Вестник Европы», подготовил к изданию книгу поэзии Кормчие звезды (1902-1903). Первоначально Иванов предполагал включить в нее свои теоретические работы, но впоследствии решил ограничиться стихами.

Название книги ассоциируется с Кормчей книгой - византийским религиозным сборником. Кормчие звезды, по Иванову, - это духовные ориентиры, по которым человек находит путь в хаосе бытия. Иванов считал: «Над смертью вечно торжествует, / В ком память вечная живет». В его стихах воплощались как личные переживания, так и исторические и мифические образы — Океаниды, Геспериды, Сафо, Орфей, Колизей, Титаны и т.п. Ориентирами поэта на равных становились язычество и христианство, Дионис (не столько языческий бог, сколько символ экстаза, бурного переживания жизни), Блаженный Августин и Богородица - покровительница «Земли Святорусской».

После выхода Кормчих звезд некоторые критики назвали Иванова «Третьяковским наших дней», определяя его поэзию как архаическое явление. Вопреки этому расхожему мнению, В. Брюсов считал, что Иванов «настоящий художник, понимающий современные задачи стиха... истинно современный человек, причастный всем нашим исканиям, недоумениям, тревогам». Книга Кормчие звезды стала одним из наиболее выразительных явлений русского символизма. В кругу символистов (А.Блок, Брюсов, К.Бальмонт, Д.Мережковский, Ю.Балтрушайтис и др.) Иванов был признан лидером этого направления, ведущим теоретиком и практиком. В 1904 в московском издательстве «Скорпион» вышла его вторая книга стихов Прозрачность, вызвавшая восторженные рецензии Блока, Брюсова и др. символистов.

В 1905 Иванов с женой вернулся в Россию и поселился в Петербурге. Его квартира на Таврической улице в угловой башне дома № 25 на последнем этаже получила название «башня». Вскоре «башня», на которой еженедельно проводились «Ивановские среды», стала самым известным литературно-философским салоном Петербурга.

Характеризуя атмосферу этих собраний, их постоянный участник философ Н.А.Бердяев писал: «На Ивановских средах встречались люди очень разных даров, положений и направлений. Мистические анархисты и православные, декаденты и профессора-академики, неохристиане и социал-демократы, поэты и ученые, художники и мыслители, актеры и общественные деятели, — все мирно сходились на Ивановской башне и мирно беседовали на темы литературные, художественные, философские, религиозные, оккультные, о литературной злобе дня и о последних, конечных проблемах бытия. Но преобладал тон и стиль мистический». Бердяев считал Иванова «самым утонченным и универсальным по духу представителем не только русской культуры начала 20 в., но может быть вообще русской культуры». На «башне» Иванова бывали М.Волошин, Блок, М.Добужинский, Л.Бакст, М.Кузмин, К.Сомов, А.Ремизов, Вс.Мейерхольд, Мережковский, З.Гиппиус, Брюсов и др. По воспоминаниям современников, в один вечер здесь собиралось до 60 поэтов, художников, артистов, мыслителей, ученых.

Петербургское крыло символизма, духовным лидером которого был Иванов, проповедовало надындивидуальное, соборное начало в культуре. В 1907 для выражения этих идей Иванов организовал издательство «Оры» — в противовес издательству московских символистов «Скорпион», в котором проповедовалась самоценность искусства. В том же году умерла от скарлатины Л. Зиновьева-Аннибал. Смерть жены стала тяжелым ударом для Иванова. Он чувствовал мистическую связь с умершей, записывал связанные с ней сны и видения, был уверен в том, что именно покойная супруга велела ему в 1910 жениться на ее дочери от первого брака В. Шварсалон. Памяти Зиновьевой-Аннибал посвящена поэтическая книга *Cor ardens* (Пламенеющее сердце, 1911-1912). Образ пламенеющего сердца поэта и его возлюбленной сосуществует на страницах книги с «Сердцем Солнца-Диониса», мистические гимны — с сонетами и канцонами, «чаша зол» Первой русской революции и трагедия Цусимы — с дионисийской жаждой бытия.

В 1909 Иванов издал сборник статей По звездам, в котором изложил основные теоретические положения символизма.

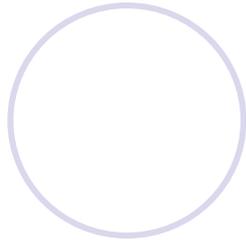
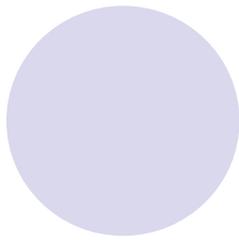
Окончательно они были им сформулированы в статье Simbolismo (опубл. 1936). Их художественное воплощение осуществлялось в журнале «Аполлон» (осн. 1909), в становлении которого Иванов принимал деятельное участие.

До своего отъезда в Италию (1912) играл важную роль в петербургском Религиозно-философском обществе, занимался теософией, некоторое время был увлечен антропософией. По возвращении в Россию (1913) поселился в Москве и сблизился с мыслителями, объединившимися вокруг издательства «Путь», — В.Эрном, С.Булгаковым, П.Флоренским, М.Гершензоном, Бердяевым и др. (Беседы с Гершензоном, которые Иванов вел в 1921, стали основой совместной книги Переписка из двух углов, написанной в античной традиции философских бесед). К этому же времени относится дружба Иванова с композитором А.Скрябиным.

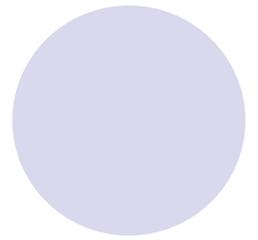
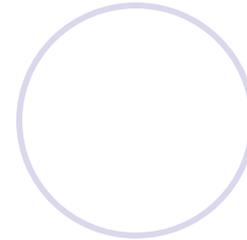
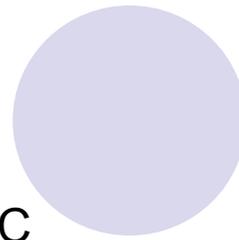
Творческая активность Иванова была высока: он перевел греческих классиков — Алкея, Сафо, Эхила, а также сонеты Петрарки; издал книги статей Борозды и межи (1916), Родное и вселенское (1917), в которых размышлял о «судьбах вселенских», проявившихся как в творчестве русских классиков, так и в событиях Первой мировой войны и революции.

О русской революции 1917 Иванов писал: «Революция протекает внерелигиозно. Целостное самоопределение народное не может быть внерелигиозным. Итак, революция не выражает доныне целостного народного самоопределения». Эта мысль выражена и в стихах Песни смутного времени (1918). Сохраняя политическую лояльность, Иванов работал в театральном и литературном отделе Наркомпроса, вел занятия в секциях Пролеткульта, писал стихи (поэма Младенчество, 1918, трагедия Прометей, 1919, и др.), активно печатался в журнале петроградских символистов «Записки мечтателей». При этом неоднократно предпринимал попытки выехать за границу. В 1921 ему удалось уехать на Северный Кавказ, затем в Азербайджан, где он читал лекции на кафедре классической филологии Бакинского университета. В 1924 с помощью А.В.Луначарского получил разрешение на выезд за границу в командировку. По воспоминаниям дочери Лидии, по приезду в Италию Иванов сказал: «Я приехал в Рим, чтобы в нем жить и умереть». За границей Иванов не участвовал в общественно-политической жизни эмиграции, но возвращение в СССР считал для себя неприемлемым. В 1926 он перешел в католичество, в 1936 получил итальянское гражданство. С Римом связаны стихотворные циклы Римские сонеты (1924) и Римский дневник 1944 г. (опубл. в составленной незадолго до смерти книге Свет вечерний, вышедшей в 1962 в Оксфорде). В годы эмиграции Иванов читал лекции в итальянских учебных заведениях, занимался научной работой в библиотеке Ватикана, печатал статьи в немецких и французских католических журналах.

Умер Иванов в Риме 16 июня 1949

ПАРУС

Налетной бурей был охвачен
И тесный, и беспечный мир:
Затмились волны; глянул, мрачен,
Утес — и задрожал эфир.

Я видел из укромной кущи:
Кренясь, как острие весов,
Ладья вдыхала вихрь бегущий
Всею грудью жадных парусов.

Ей дикий ветер был попутным,
Она поймала удила —
И мимо, в треволненьи мутном,
Пустилась к цели, как стрела.

ЛЮБОВЬ

Мы - два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы - два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы - два коня, чьи держит удила
Одна рука,- язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы - двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы - Сфинкс единой оба.
Мы - две руки единого креста.

